
Вячеслав Марченков
KAMAZ
ШАЛЬНЫЕ
90-Е
ЧАСТЬ 2

Вячеслав Марченков

Шальные 90-е Часть вторая

https://litres.ru/75018752
SelfPub; 2026

Аннотация

Продолжение исторического триллера о жизни молодых людей в 90-е года прошлого века. Время расцвета криминала и бандитизма, так или иначе коснулось всех. Шальные деньги, рестораны и проститутки на фоне обнищания простого народа, как нарыв на теле больного, который срочно нужно было вскрыть. И это вскрытие проходило медленно и болезненно.

Содержание

Пролог	4
Первая глава	9
Вторая глава	15
Третья глава	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Вячеслав Марченков
Шальные 90-е Часть вторая

Пролог

Город просыпался не от птичьего гомона и не от ласкового солнечного луча — он вздрагивал от лязга железных ворот, от хриплого кашля старых автобусов, от тяжёлого, будто свинцового, воздуха, пропитанного запахом остывшего асфальта и дешёвых сигарет. Девяностые стояли на пороге, как незваный гость, который уже зашёл в дом, но ещё не снял обувь. В воздухе витало что-то острое, тревожное — будто сама тишина стала громче, потому что люди не торопились, а может быть боялись говорить вслух о том, что видят.

На углу улицы, у закрытого киоска с облупившейся вывеской, стоял мальчишка лет двенадцати. Он не просил милостыню и не пытался казаться старше — просто стоял, засунув руки в карманы не по возрасту слишком длинной куртки, и смотрел, как ветер гоняет по тротуару обрывки газет. На одной из страниц, прилипшей к бордюру, виднелся заголовок: «Перемены неизбежны». Мальчишка не читал — ему хватало повседневной картинки с перекошенными лицами политиков, крепких молодых парней на местном рынке, требовавших дань с торговцев, бесконечных очередей в магази-

ны, где всё продавалось по талонам и тёмных полос текста, зияющих на пожелтевшей бумаге словно трещины на стекле. Он знал: перемены уже пришли вместе с отключённым светом по вечерам, и тихими спорами родителей на кухне, когда слова становились осторожными, как шаги по тонкому льду.

Он поёжился, плотнее запахнул куртку, в которой ещё угадывались следы былой добротности — её когда-то купили «на вырост», в те времена, когда верили, что впереди только хорошее. Из кармана он достал смятую обёртку от конфеты «Мишка на Севере» — не потому, что она была ценной, а потому, что это был единственный осколок прежнего мира, где сладости не были редкостью. Он разгладил её пальцами, будто пытаясь вернуть ей прежний вид, и спрятал обратно. Этот жест был почти ритуальным: сохранить хоть что-то, что напоминало о времени, когда жизнь казалась простой и понятной.

В соседнем дворе женщина в поношенном пальто развешивала бельё на провисших верёвках. Ветер тут же срывал простыни, и она, чертыхаясь сквозь зубы, снова цепляла их прищепками, будто пыталась удержать хоть что-то в этом расползающемся мире. Её руки были красными от холода и жёсткого мыла, а взгляд — усталым, но упрямым. Она знала: если не развесить бельё сегодня, завтра не будет времени. Завтра нужно будет стоять в очереди за сахаром, искать, где купить ребёнку ботинки, пытаться понять, почему зарплата, которую обещали выдать ещё на прошлой неделе, так и не

появилась.

Время от времени она бросала короткий взгляд на окна своей квартиры, словно проверяя, не погас ли там свет — не от электричества, а от той внутренней искры, которая помогала держаться. На кухне стояла банка с солью, почти пустая, и рядом — маленькая коробочка, в которой хранились три чайные ложки сахара, отложенные «на праздник». Праздник этот так и не наступал, но сама мысль о нём, о том, что где-то в шкафу лежит эта крошечная роскошь, давала ей силы.

А в квартире на пятом этаже старик сидел у окна и смотрел на улицу, будто пытался разглядеть в этом новом, чужом пейзаже что-то знакомое. Когда-то он строил эти дома, ходил по этим улицам с гордо поднятой головой, верил, что будущее уже почти здесь. Теперь он видел, как рушатся не только планы, но и сами стены — не от бомб, а от равнодушия, от нехватки цемента, от того, что никому нет до этого дела. На подоконнике стояла банка с гвоздями, рядом — пожелтевшая фотография, где он молодой, в спецовке, улыбается в объектив. Он не знал, что делать с этой памятью — она была слишком тяжёлой, чтобы выбросить, и слишком хрупкой, чтобы держать в руках.

Иногда он доставал из ящика стола старый блокнот, исписанный мелким, аккуратным почерком, и перечитывал заметки о проектах, которые так и не были реализованы. Каждая строчка была как укол: напоминание о том, сколько сил и надежд было вложено в то, что теперь казалось никому не

нужным. Но он продолжал перечитывать эти записи, словно они были не отчётами о работе, а письмами к самому себе — тем, кто ещё верил, что всё получится.

По улице проехал грузовик с деревянными ящиками, из которых выглядывали коробки с непонятными надписями на иностранном языке. Люди провожали его взглядами — кто с надеждой, кто с подозрением. Это был новый мир: шумный, пёстрый, чужой. Он обещал свободу, но пока приносил только растерянность. Свобода оказалась не крыльями, а ветром, который сбивает с ног.

Из кузова грузовика выпрыгнул молодой парень в кожаной куртке, слишком новой для этого района. Он быстро и ловко расставлял ящики, будто знал, что время — самый ценный товар. Рядом с ним суетился ещё один мужчина, постарше, в старом пальто, которое когда-то было дорогим. Они переговаривались короткими фразами, в которых не было ни теплоты, ни вражды — только деловитость, ставшая новой формой общения.

В подъезде пахло сыростью и старыми газетами. На стене кто-то вывел мелом: «Всё будет хорошо». Буквы уже начали стираться, но надпись ещё читалась. Кто-то верил в эти слова, кто-то смеялся над ними, а кто-то просто смотрел и думал: пусть хоть что-то остаётся написанным, пусть хоть что-то не исчезает бесследно.

У самой двери подъезда стояла старушка в вязаной шали. Она держала в руках маленькую иконку, прижимая её к гру-

ди так, будто это был не предмет веры, а талисман, способный защитить от всех бед. Её глаза были полны тихой грусти, но в них не было отчаяния — только бесконечное терпение, выработанное годами. Она знала, что мир меняется, и не пыталась этому противостоять. Она просто старалась сохранить в себе то, что считала важным: доброту, умение прощать, способность видеть хорошее даже в самых тёмных днях.

Это было время, когда прошлое не отпускало, а будущее не хотело приближаться. Время, когда люди учились жить между «было» и «будет», цепляясь за мелочи: за тёплый чай в холодной квартире, за письмо от друга из другого города, за тихий голос по телефону, который говорил: «Я здесь, я жив». И каждый день становился маленькой битвой — не за великие цели, а за право просто остаться собой в мире, который менялся слишком быстро, чтобы за ним успеть.

И где-то среди этих улиц, среди этих дворов, среди этих жизней зарождалась история — не про героев и подвиги, а про обычных людей, которые пытались не сломаться. История, которая начиналась не с громких слов, а с тихого вздоха, с взгляда в окно, с мысли: «Ещё один день. Я его проживу». И в этом простом признании заключалась вся сила эпохи — сила тех, кто, несмотря ни на что, продолжал идти вперёд, шаг за шагом, день за днём, сохраняя в себе искру человечности в мире, который порой казался совсем бесчеловечным.

Первая глава

Прежде чем отправиться в Николаев, мы с Саней подошли к делу обстоятельно — не из любви к бюрократии, а потому что знали: в те годы любая мелочь могла обернуться бедой. Дизельное топливо, как и бензин, на Украине было в дефиците — его не просто не хватало, его превратили в валюту, в рычаг давления, в повод для стычек. На заправках выстраивались очереди из грузовиков, водители перешёптывались, высматривая, у кого бак полный, а у кого — пустой, будто по этому признаку можно было угадать, кто сегодня доедет, а кто застрянет на обочине.

Мы заранее всё продумали. На нашем КАМАЗе поменяли топливный бак — с двухсот литров до целой тонны. Работали сами, в холодном гараже, где пахло ржавчиной и старым маслом, сбивая в кровь руки, потому что не могли позволить себе ждать мастера: время стоило дороже любых денег. Саня, молча, затягивал болты, а я всё время поглядывал на часы — нам нужно было успеть до темноты.

Затем закинули на кузов ещё пять бочек для солярки, купленных за полцены в том же гараже ДРСУ. Бочки были тяжёлые, покрытые бурой ржавчиной, будто они сами помнили другие времена, когда по железным дорогам шли составы, а не пустые вагоны. Мы грузили их, упираясь, кряхтя, стараясь не смотреть друг на друга, чтобы не выдать, насколько

страшно нам от того, что мы делаем. Это уже был не просто рейс — это была авантюра, и мы оба это понимали.

С заправщицей Татьяной договорились заранее, собрав ей небольшой презент из нескольких банок красной икры, пары копчёных лещей, пахнущих дымом и солью, и бутылки хорошего коньяка, которую берегли для особого случая. Когда мы принесли всё это в её кабинет, она даже не улыбнулась, а просто кивнула головой, будто так и должно быть, будто это не взятка, а часть договора, который никто не записывал на бумаге.

Ночью мы приехали на заправку. Вокруг стояла тишина, нарушаемая только редкими звуками — скрипом ворот, далёким лаем собаки, шорохом ветра в пустых полях. Свет фонарей падал на изрытый ямами асфальт жёлтыми пятнами, и в этих пятнах всё казалось нереальным, будто мы попали в какой-то другой мир, где действуют свои законы. Мы заливали топливо до краёв, прислушиваясь к каждому звуку, ожидая, что вот-вот появится милицейский патруль или кто-то из местных бандитов, для которых заправка была такой же территорией, как и любой другой кусок земли.

Когда бак и бочки были полны, мы взялись за груз. Красную икру упаковали в ящики, а сверху прикрыли берёзовой метлой — дешёвой, купленной у пенсионеров, которые вязали её для ЖКХ. Метла была сухая, ломкая, пахла пылью и зимой, но для Гаишников она должна была стать убедительным объяснением: мол, везём хозяйственный товар, ничего

особенного.

И вот, наконец, тронулись. Выскочили затемно на трассу Москва — Киев. Первые двести километров шли по бетонке — ровной, но уже потрескавшейся, с глубокими выбоинами, которые машина ощущала всем корпусом. КАМАЗ гудел, вибрировал, будто тоже чувствовал напряжение, висевшее в воздухе. Мы молчали, каждый думал о своём, но оба знали: самое сложное впереди.

Чтобы объехать милицейские посты, стоявшие на границах, свернули в поля. Дорога исчезла, остались только тёмные силуэты деревьев, редкие столбы и едва заметные колеи, оставленные другими такими же беглецами от проверок. Мы ехали медленно, почти на ощупь, фары выхватывали из темноты куски земли, сухие стебли, старые покрышки, брошенные у обочины. Саня вёл, стиснув зубы, я смотрел по сторонам, пытаясь угадать, где кончается поле и начинается снова трасса.

Часа через два мы вновь выскочили на асфальт — уже вблизи Шостки. Здесь воздух будто стал легче, а напряжение немного спало. Мы сэкономили не только деньги, но и нервы — а в те времена это было едва ли не ценнее любого груза.

После съезда с международной трассы на Прилуки дорога и вовсе стала спокойнее. Асфальт здесь был местами даже лучше, чем на федеральной дороге, а местами его почти не было, но зато постов нигде не встречалось. Этот путь нам заранее нарисовал Женька — он к тому времени ходил на од-

ноосном грузовике от «Совтрансавто», мотался то в Румынию, то в Польшу, знал все объезды, все «слепые» зоны, все места, где можно было проехать незамеченным. Он чертил нам маршрут на обрывке карты, тыкал пальцем в точки и говорил тихо, будто боялся, что стены слышат: «Тут не стой, тут сворачивай, тут не смотри в глаза».

На наше счастье, небо затянуло тучами, и пошёл мелкий дождь. Капли стучали по кабине, размывали очертания мира, делали нас чуть менее заметными. Дорога превратилась в серую ленту, убегающую вперёд, и казалось, что, если ехать достаточно быстро, можно обогнать не только милицию, но и само время, которое в те годы шло как-то иначе — тяжело, вязко, будто каждый день был наполнен свинцом.

Но спокойствие длилось недолго. Километрах в тридцати от Прилук мы заметили впереди тёмный силуэт, перегородивший дорогу. Сначала подумали, что это просто брошенная машина или груда металла, но чем ближе подъезжали, тем яснее становилось: это не случайность. На дороге стоял старый ЗИЛ, а рядом с ним — несколько фигур в тёмных куртках. Они не махали жезлами, не делали официальных жестов — просто стояли, наблюдая, как мы приближаемся.

Саня сбавил скорость, я почувствовал, как внутри всё сжалось. В такие моменты не думаешь о морали, о законе, о будущем — думаешь только о том, как проехать, как не остановиться, как не дать им повода.

— Может, объедем? — тихо спросил Саня, кивая на обо-

чину, где начиналась колея, уходившая в сторону леса.

Я покачал головой:

— Там завязнем. Тут хоть асфальт.

Мы подъехали ближе. Один из мужчин вышел вперёд, поднял руку — не как гаишник, а как человек, привыкший, что его слушают. КАМАЗ замер в нескольких метрах от них. Мотор работал, гудел, будто пытался нас защитить.

— Что везёте? — спросил мужчина, не подходя вплотную, но и не отступая. Голос у него был спокойный, почти равнодушный, от этого становилось ещё страшнее.

Я открыл окно, стараясь говорить ровно:

— Хозяйственные товары. Метла, инвентарь.

Он прищурился, посмотрел на кузов, потом снова на меня.

— Документы.

Я протянул бумаги, которые мы заранее подготовили: накладные, путевые листы, всё, что могло выглядеть убедительно. Он взял их, не спеша пролистал, будто читал не текст, а наши мысли.

В этот момент из-за его спины вышел ещё один — молодой, нервный, с бегающими глазами. Он подошёл к кузову, заглянул под метлу, сдвинул её ногой. Я замер, чувствуя, как по спине ползёт холодный пот.

— Эй, полегче! — рявкнул Саня, не выдержав. — Это товар, не копайся!

Молодой замер, посмотрел на старшего. Тот медленно

кивнул, и парень отступил.

Старший вернул документы, чуть наклонил голову, будто делая нам одолжение:

— Проезжайте. Но в следующий раз не лезьте сюда без договорённости.

Я кивнул, не пытаясь спорить, не пытаясь благодарить. Просто взял документы, закрыл окно, и мы поехали дальше. Мотор взвыл, КАМАЗ рванул вперёд, оставляя позади тёмные фигуры и тяжёлый запах опасности.

Только когда дорога ушла за поворот, и их уже не было видно, мы выдохнули. Саня вытер ладонью лоб, я откинулся на сиденье, чувствуя, как дрожат руки.

— Ну вот, первый рубеж прошли, — хрипло сказал Саня, пытаясь улыбнуться.

Я не ответил. Просто смотрел вперёд, туда, где серая лента дороги сливалась с таким же серым небом. Впереди были Черкассы, потом Днепропетровск, и я не знал, что нас ждёт там, но теперь понимал: каждый километр — это не просто расстояние, это испытание, и чем ближе к Николаеву, тем выше будут ставки.

Дождь всё шёл, размывая границы между землёй и небом, между прошлым и будущим. И где-то там за горизонтом, сквозь пелену воды, был наш пункт назначения, который, как и другие города, не ждал нас, не обещал ни помощи, ни пощады, но давал шанс сделать ещё один шаг в этом новом, жестоком мире.

Вторая глава

Однако все наши тревоги и волнения оказались напрасными. К началу третьего дня нашего блуждания по просторам Украины мы благополучно добрались до Николаева — города, будто застывшего между морем и степью: в нём чувствовалась особая, чуть солёная на вкус усталость портового места, привыкшего провожать и встречать, не задавая лишних вопросов.

Вскоре мы оказались и в том месте, где была назначена встреча. Магазин стоял на длинной улице, застроенной преимущественно частными домами — невысокими, с палисадниками, где ещё цвели поздние тюльпаны, и с заборами, выкрашенными в самые разные цвета: от выцветшего голубого до тёмно-зелёного, почти чёрного. Лишь на одном из примыкающих переулков сиротливо ютились две пятиэтажки — унылые, обшарпанные, с балконами, увешанными бельём и старыми вещами, словно напоминание о другой эпохе и другом ритме жизни.

Остановив машину прямо у магазина, я вылез из кабины, размял затёкшие суставы и, глубоко вдохнув тёплый, пахнущий пылью и цветущей акацией воздух, уверенно направился внутрь. В магазине пахло старым деревом, мукой и чем-то сладковатым — вероятно, леденцами, которые лежали в стеклянной банке на прилавке.

За прилавком стояли две продавщицы. Одна — пожилая женщина с усталыми глазами и строгой прической, туго стянутой на затылке; другая — миловидная белокурая девица, совсем ещё юная, с лёгкой улыбкой, которая, казалось, появлялась сама собой, без усилий. Именно к ней я и обратился, стараясь говорить спокойно, чтобы не выдать внутреннего напряжения:

— Подскажите, пожалуйста, где найти директора? Нам назначена встреча.

— Николай Николаевич сейчас на месте, — проворковала она, словно райский голубок, и, чуть наклонив голову, указала на дверь за прилавком. — Проходите, он вас ждёт.

Я прошёл за прилавок, ощущая на себе внимательный взгляд пожилой продавщицы, и остановился у двери кабинета. Широко улыбнувшись, будто пытаясь скрыть волнение за этой показной уверенностью, я постучал. Из-за двери послышался чистый, уверенный мужской голос:

— Заходите!

Я вошёл внутрь и увидел за широким столом, накрытым белой скатертью (она казалась странно неуместной в этом полу складском помещении), молодого человека, чуть старше меня возрастом. Он сидел прямо, слегка наклонившись вперёд, и внимательно осматривал меня, словно пытаясь прочесть не только слова, но и мысли. В его взгляде не было враждебности — скорее расчётливая доброжелательность, характерная для человека, привыкшего вести дела и

не доверять первому впечатлению.

Наконец, он доброжелательно произнёс:

— Вы Иван?

— Да! — коротко отчеканил я, стараясь держаться твёрдо.

Он тут же протянул руку:

— Давайте знакомиться, Николай.

Рукопожатие было крепким, уверенным — таким, каким обмениваются люди, понимающие цену словам и обязательствам. И тут же, без лишних предисловий, он по-деловому спросил:

— Как добрались? Товар жив?

— Утром был жив, — отозвался я, слегка расслабившись: тон Николая давал понять, что мы на одной волне. — Мы на стоянке смотрели, проверяли. Всё в порядке.

— Ну что ж… — произнёс он, выходя из-за стола и поправляя пиджак, будто готовясь к активной работе. — Заезжайте во двор и выгружайте. Правда, придётся помочь, потому как у меня в наличии всего один грузчик, он же и водитель, который развозит мелкие партии товара по остальным точкам. А потом будем обсуждать следующие наши шаги — вместе с отдыхом. Думаю, после дороги вам не помешает рюмка коньяка и что-нибудь закусить.

— Нет проблем! Я только за! — вновь отрапортовал я, будто солдат, получивший чёткий приказ, и почувствовал, как внутри разливается облегчение: кажется, худшее было позади.

Мы вместе вышли из кабинета. Я вернулся к машине, чтобы объяснить Сане, куда дальше ехать и что делать. Саня слушал молча, кивая, время от времени поглядывая на магазин и оценивая обстановку опытным взглядом человека, который привык полагаться не на слова, а на детали. Николай тем временем пошёл давать указания по приёмке товара своим людям — его голос, чёткий и властный, доносился даже сквозь шум улицы.

Сбросив во дворе магазина берёзовую метлу, прикрывавшую груз, мы подъехали ближе к складу с холодильными камерами, где сильно несло сыростью и чем-то кисловатым, видимо этот запах въелся здесь настолько, что не выветривался годами. Мы скинули первые три коробки для проверки качества товара и сели на перекур.

Минуты ожидания вердикта о приёмке стали, наверное, для нас самыми тяжёлыми и продолжительными из всего рейса. Время будто растянулось, превратившись в тягучую, вязкую субстанцию, в которой каждый звук — скрип коробки, шорох шагов, далёкий гудок машины — звучал особенно громко. На улице вновь воцарилась жаркая погода: солнце стояло высоко, безжалостно накаляя асфальт и крыши домов, и воздух дрожал над землёй, как тонкая вуаль. Да и чего мы хотели — на дворе заканчивался месяц май, и лето уже заявляло о своих правах, обещая быть долгим и знойным.

Когда наконец к нам вышел директор, у меня от перенапряжения свело правую ногу — резкая, колющая боль заста-

вила меня присесть на деревянный ящик, стоявший тут же, у стены склада. Я взглянул на Николая, пытаясь по его лицу угадать вердикт.

— Икра, конечно, не первой свежести, что и следовало ожидать, — произнёс он спокойно, без осуждения, скорее констатируя факт, чем обвиняя. — Но, думаю, продастся. Что-то сдам по знакомству в рестораны, что-то в общепит пойдёт. В общем, выкрутимся. Это подтвердили и мои продавцы. Так что выгружайте.

Мы облегчённо выдохнули, будто с плеч свалился непомерно тяжёлый груз, который мы несли не только физически, но и морально. Раскрыв борта кузова машины, мы стали выгружать красную икру на склад. Коробки ложились одна за другой, и с каждой из них напряжение спадало, уступая место усталости и тихому удовлетворению от того, что дело движется.

В это время Николай собирался вернуться в магазин, но вдруг его внимание привлекли бочки, заполненные соляркой. Он остановился, прищурился, будто прикидывая что-то в уме, и загадочно поинтересовался:

— Это дизель у вас?

— Да! — ответил ему Саня, опередив меня.

Николай повернулся ко мне, и в его взгляде мелькнуло что-то новое — не просто деловой интерес, а азарт человека, который увидел возможность там, где другие видели лишь груз.

— Вань, продай хотя бы полтонны. «Я хорошо заплачу!» —произнёс он твёрдо, но с оттенком просьбы, словно хотел заручиться не просто согласием, а поддержкой.

Я взглянул на Саню. Друг едва заметно кивнул головой, давая понять, что топлива нам хватит на обратный путь, даже если мы продадим часть. Тогда я, раскинув руки, образно проговорил:

— Николай, ты нас, можно сказать, из петли вынул. Как же мы можем тебе отказать в такой мелочи?

— Это не мелочь, брат, — почесав ладонью подбородок, задумчиво протянул хозяин магазина. В его голосе звучало предвкушение, будто он уже видел, как из этой случайной сделки вырастет что-то большее. — Нужно всё будет хорошенько обсудить, потому что с этого может выйти офигенный бизнес с большим наваром в обе стороны. Тут главное — не спешить и всё грамотно выстроить.

И в этот момент я вдруг почувствовал, что наш рейс, задуманный для того, чтобы просто сбагрить залежавшийся товар, может стать началом чего-то нового — чего-то, что изменит не только наши планы, но и саму траекторию наших жизней.

Третья глава

В кабине КАМАЗа мы с Саней прожили больше недели — тесно, душно, но деваться было некуда. Дни тянулись одинаково: утро начиналось с того, что я протирал запотевшее стекло, а Саня ворчал, что в этой жестяной коробке даже чаю не сварить. Мы ждали расчёта за товар, и каждый день казался длиннее предыдущего.

Николай, хозяин магазина, оказался на удивление терпеливым и гостеприимным человеком. Он не просто не гнал нас, а будто взял под своё крыло. Каждый день он звал нас в магазин, кормил тем, что было на витрине: то бутербродами с колбасой, то горячей лапшой быстрого приготовления, которую разогревали в подсобке. В те дни стояла такая жара, что воздух дрожал над асфальтом, а в кабине КАМАЗа дышать становилось почти невозможно. Поэтому мы по два раза в день бегали в душ в подсобном помещении — и каждый раз благодарили Николая за эту маленькую роскошь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.